

М. П. АЛЕКСЕЕВ

Юрий Крижанич и фольклор московской иноземной слободы

Выдающийся хорватский писатель Юрий Крижанич, как известно, около пятнадцати лет провел в Сибири, сосланный туда из Москвы. Живя в Тобольске, Крижанич между 1663 и 1666 гг. написал большое сочинение энциклопедического характера, известное в настоящее время под заглавиями «Политика» или «Разговоры о владательству» (т. е. «Беседы о правлении»), в котором он подробно рассуждает и о русском государстве и о будущем славянства вообще. Одной из важнейших публицистических задач этого обширного, сложного, не до конца обработанного труда было желание автора оказать противодействие «немецкому зазору», с его «посторами и скаредными хулами». Внимательный наблюдатель политической карты современной ему Европы, один из провозвестников идеи всеславянского единства, Крижанич считал, что главными виновниками упадка славянских земель являются «немцы» (*Germanos*), «самые гордые и нетерпимые презиратели прочих народов», которые «ухватили королевскую высоту во Вуграх, Чехах, Ляхах, в Литве и инде» и одарены, по его наблюдениям, способностью «клеветать, дразнить, хулить, желчно остричь, по-змеинному шипеть».¹ Подтверждающие это общее наблюдение примеры рассыпаны по всей книге, потому что к доказательству этого излюбленного им тезиса Крижанич возвращается неоднократно и по различным поводам.

Очень красноречивыми и, как увидим ниже, имеющими особый интерес для фольклористов представляются те примеры, которые собраны Крижаничем в разделе его труда, написанном по-латыни и озаглавленном «О характере германцев» (*Articulus de Natura Germanorum*).² Здесь, между про-

¹ В. И. Пичета. Юрий Крижанич и его отношения к русскому государству. — Славянский сборник, М., 1947, стр. 207, 215—218; А. Л. Гольдберг. 1) Историческая наука о Крижаниче. — Ученые записки Ленингр. гос. ун-ва, 1949, № 117, стр. 84—119; 2) Крижанич о русском обществе XVII в. — История СССР, 1966, № 6, стр. 71—84; 3) Идея «славянского единства» в сочинениях Крижанича. — ТОДРА, т. XIX, М.—Л., 1963, стр. 373—390; М. А. Алпатов. Историческая концепция Юрия Крижанича. — Советское славяноведение, 1966, вып. 3, стр. 31—44.

² Так как этот раздел не вошел в новейшее московское издание «Политики» (Юрий Крижанич. Политика. Подготовил к печати В. В. Зеленин. Перевод и комментарии А. Л. Гольдберга. Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1965; см. здесь описание рукописи этого труда, стр. 695—700), цитирую его по изданию П. А. Бессонова, первому и единственному (если не считать его переиздания в 1860 г.), в котором находится интересующий нас текст: Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Бессонов. Ч. II. М., 1859 (прилож. к № 6 «Русской беседы»), стр. 252—254 (здесь приведен латинский оригинал интересующего нас места и его русский перевод П. А. Бессонова).

чим, идет речь о различных шутовых прозвищах, которыми немцы награждают не только прочие народы, но даже своих соотечественников: «Нет у них области или народности, которую по обычаю не клеймили бы они и не дразнили какой-нибудь известною шуткою. Иных зовут *Putenträger* (*Aliquos appellant Putentrageros*), других *Kokskem* — „петушки гребешки“, как людей слишком прихотливых, для которых нет жизни без блюда, приготовленного из петушьях гребешков (*quasi nimis uoluptuosos, ut qui putent se non posse uiuere sine cibo ex pectinibus gallinarum facto*). Об иных рассказывают, что они сожрали осла (*De aliis narrant, quod asinus deuorant*), другим подсмеиваются, что солнечные часы устроили под крышкою (*alios derident quod Horologium solare sub tecto fabricarint*); третьи будто бы сбежались бить одного зайца семеро, схватившись за одно копые (*quod septem uiri unam hastem tenentes ad unum leporem occidentum assurgerint*). Иных называют *Tölpel*, т. е. „пнями“ (*Alios appellant Telpellos, id est rapices, de tali oppido*). «Таким образом, — замечает Крижанич далее, — немцы распускают вымышленные шутки, часто хулы о своих собственных братьях и за подобные ругательства горячо, даже насмерть дерутся». Он прибавляет: «Недавно видели этому пример в Москве, когда из-за прозвища *Putenträger* солдаты в немецкой слободе публично отстегали одного торговца и подняли большие тяжбы (*Sicut non pridem uisum fuit exemplum Mosquae: quando propter uocabulum Putenträger milites in Sloboda Germanica unum mercatorem publice fustibus percusserunt: et magnas lites excitarunt*)». Не удивительно, что и другим народам немцы дают самые обидные прозвища.

Не все ясно в приведенном тексте. Так, прозвище *Putenträger*, очевидно считавшееся в то время столь оскорбительным, что оно могло даже вызвать волнения в московской иноземной слободе, ныне представляется недостаточно понятным; смутило оно и первого издателя рукописи Крижанича — П. А. Бессонова, предположившего, что его не разобрал и сам автор «Политики» и что вместо *Putenträger*, может быть, следует читать *Rossentreiber* — «проказник, шут, скоморох». Идя по тому же пути этимологии, вероятно было бы предположить, что *Putenträger* заменило первоначальное *Rupprentreiber* или *Rupprentäger*, т. е. «актер-кукольник», «кукольных дел мастер», какими являлись тогда те же бродячие скоморохи. Но указанное немецкое слово Крижанич в одинаковой форме употребляет дважды на протяжении всего лишь нескольких латинских строк; поэтому, если оно правильно прочтено в рукописи, для него следует подыскать более правдоподобное объяснение. В словарь немецкого языка бр. Гриммов занесено диалектное слово *Pute* (нижненемецк. *rûte*, англ. *rowt*), означающее то «индейский петух, индюк» (*Truthahn, Puuthahn*), то «тетерев» или «тетеря» (*Birkhahn, türkisches-welsches Huhn*); существенно, что слово *Pute* (или *Puter*) имело также значение бранной клички, приравняемой в том же словаре к оскорбительному прозвищу «гусак», т. е. «дурак», «глупая башка» (= *dumme Gans, dumme Huhn*).³ Поэтому и двусложное *Putenträger* могло означать нечто оскорбительное, что-либо вроде «индюшатника».

Загадочным представляется и другое прозвище — *Kokskem*, в котором П. А. Бессонов видит *Kokskämme* (множественное число от *Kokskamm* — «петушки гребешки»). Правда, основания для такого истолкования дает сам Крижанич, в тексте которого находится не только латинский перевод неясного слова (*pectines gallinarum*), но даже бытовое объяснение его про-

³ J. Grimm und W. Grimm. Deutsches Wörterbuch, Bd. VII. Leipzig, 1889, стр. 2279.

исхождения; непонятно только, почему у Крижанича стоит *Kokskamm*, а не привычное *Наһпеп-камт*,⁴ если первую основу данного слова мы не объясним как звукоподражательную (ср. франц. *соқ* — «петух»); впрочем, от нее образованы многочисленные производные, как *Kockelmann* (от *köskeln*, *kokeln* и т. д.), совр. *Saukler*⁵ — «фигляр, фокусник, площадной шут, скоморох». Третье из воспроизведенных Крижаничем бранных слов сомнений не вызывает: *Tölpel* действительно означает «чурбан, болван, пентюх, вахлак» и возникло из средненижнемецкого *Döpre* — «деревенщина».⁶

Зато в остальных примерах, приведенных Крижаничем для доказательства будто бы особенно свойственного немцам злоречия и недружелюбия даже к единоплеменникам, нетрудно узнать эпизоды из немецких шванков, народных книг или летучих листов лубочной печати. Так, упомянутый им сатирический сказочный мотив об осле, съеденном по глупости деревенскими жителями, заменяемом иногда собакой («*Hund Hopf*»), встречается в рассказах о похождениях Тиля Эйленшпигеля («*Eulenspiegel*», сар. 47), в шванке Г. Сакса и других произведениях сатирической литературы.⁷ Анекдот о семи глупцах, испугавшихся зайца и схватившихся за одно длинное копые в тревоге, как бы не съел их этот страшный зверь, — это знаменитое приключение из цикла народных рассказов о «семерых швабах», известных уже в XV в.; рассказ о зайце имеется у Кирхофа («*Wendenmut*», 1563), в одной из «*Meisterlieder*» Ганса Сакса и т. д. Любопытно, что в этих ранних обработках швабов девять, а не семь, как впоследствии. В редакциях этого анекдотического цикла, распространявшихся после 1600 г. (например: *Eyering, Proverbium coria*, 1601—1604), число швабов устанавливается окончательно. На немецкой картинке XVII в. изображены семь храбрецов, судорожно уцепившихся за одно длинное копые; здесь они названы по именам, повторяющимся затем в стихотворной «*Historia von dem sieben frommen und redlichen Schwaben mit dem Hasen*».⁸ Ниже Крижанич рассказывает эпизод из народной книги о шильтбюргерах, нелепые причуды и дурачества которых доводят их родной город Шильду до того, что он погибает в пламени, превращаясь в кучу золы. Все эти анекдотические повестушки Крижанич слышал в устной передаче, едва ли зная об их книжном источнике. Примечательно, что они ведут нас в ту же немецкую слободу в Москве. Сообщая их, Крижанич не подозревал не только о сатирических и дидактических целях, с какими они обрабатывались в XVI—XVII вв. в стихах и прозе, но и о том, что, восходя к фольклорным источникам, они имели широкое и даже порою международное распространение. Но это и делает свидетельство Крижанича особенно интересными с исторической и литературной точек зрения.

Исследователи Крижанича всегда охотнее подчеркивали книжный характер его образования, широкую эрудицию, уважение к ученым авто-

⁴ Там же, т. IV, 2, 1877, стр. 168

⁵ Там же, т. V, 1873, стр. 1566.

⁶ O. Reinsberg-Düringsfeld. Internationale Titulaturen, Bd. I. Leipzig, 1863, стр. 97. Эта книга представляет собой занимательное собрание прозвищ, которыми народы Европы награждают друг друга; немало внимание автор уделил тому, как немцы забавляются на свой собственный счет (стр. 55—112).

⁷ J. Bolte und J. Polivka. Anmerkungen zu der Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, Bd. I. Leipzig, 1913, стр. 112; Bd. II, Leipzig, 1915, стр. 560 («*Esselfresser*»).

⁸ J. Bolte und J. Polivka. Anmerkungen... Bd. II, стр. 556—560 (со ссылкой на издание: J. Bolte. Zwei Flugblätter von der sieben Schwaben. Zeitschrift für Volkskunde, Bd. 4, стр. 435); A. Keller. Die Schwaben in der Geschichte des Volkshumor. 1907.

ритетам, отразившиеся в его «Политике»,⁹ чем чисто житейские, реально бытовые источники этого труда, на котором явственную печать оставили также длительные и многотрудные скитания его автора по свету и встречи с людьми интересной или непривычной судьбы.¹⁰ Среди последних был, в частности, полковник Филипп фон Зейц — один из «немцев Шведской земли», сосланных в Тобольск одновременно с Крижаничем.¹¹ Это был бывалый человек, много видевший и слышавший на своем веку, беседы с которым услаждали ученого хорвата во время сибирской ссылки. На Зейца Крижанич ссылался в своей «Политике» несколько раз,¹² в частности как на то именно лицо, от которого он записал анекдоты о немцах, ходившие по московской слободе.

Особо занимательный рассказ, приписанный Крижаничем также по-латыни сбоку на полях его рукописи (в том месте, откуда уже были приведены цитаты), очевидно со слов того же Зейца, пополнил собранную им любопытную коллекцию сатирических свидетельств о немецких нравах еще одним разительным примером. «О некоторых рассказывают, — пишет Крижанич, — будто у них некогда царем был пес, т. е. якобы избиратели (electores) долго не могли согласиться в выборе царя и, наконец, заключили: кто первый войдет к ним, тот пусть и будет царем, кто бы он ни был, лишь бы только был живой. Вошел ловчий пес, и они его короновали царем (et illi hunc coronarunt regem), говоря: „Коронуем его, будет восседать на своем месте, а мы будем править“. Таким образом пес тот царствовал в течение года, сидел будто бы на привязи на престоле, кормили его царскими яствами и проч. Жителей городка ... дразнят тем, что они сожрали собаку или ногу жареной собаки: из-за этого (один рассказывал), я знаю, до 50 человек было убито; и наконец, сам город, по тому же поводу, взялся за оружие и был сожжен, как рассказывал тот же Зейц».¹³ Что касается города, сожженного его скудоумными обитателями, то, как уже указано выше, это, по-видимому, заключительные эпизоды немецкой народной книги о шильтбюргерах.¹⁴ Рассказ же о «царе-собаке» находит себе полное соответствие в знаменитой книге французского проповедника конца XV—начала XVI в. Иоганнеса Паула «Смех и дело» («Schimpf und Ernst», 1522), где пример 427-й так и озаглавлен: «Датчане имели собаку

⁹ А. Л. Гольдберг. 1) Сочинения Юрия Крижанича и их источники - Вестник истории мировой культуры, 1960, № 6, стр. 117—130; 2) Юрий Крижанич и Шимон Старовольский. — Slavia, 1965, гошп. XXXIV, seš. 1, стр. 28—40.

¹⁰ Сергей Марков. Земной круг. Книга о землепроходцах и мореходцах. М., 1966, стр. 416—418. В интересной заметке о Крижаниче автор подчеркнул, что этот «пламенный противник Адама Олеария и разоблачитель „чужебесия“ иноземцев на Руси» знал сибирского воеводу Петра Годунова, бывалого Ульяна Ремезова, виделся с протопопом Аввакумом и т. д.

¹¹ С. А. Белокуров. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903, стр. 197.

¹² Свидетельство того же Зейца Крижанич привел, например, в том месте своей книги, где рассказывается о снисходительном отношении немцев к палачам. См. Юрий Крижанич. Политика, стр. 545, 720.

¹³ Русское государство в половине XVII века, ч. II, стр. 253—254 (латинский оригинал и русский перевод).

¹⁴ На пути перехода некоторых рассказов о шильтбюргерах и других немецких народных книг в славянские страны, и в частности на Русь, давно уже указывалось, см.: Н. Ф. Сумцов. Разыскания в области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцах. Харьков, 1898; I. Franko. Woina żydowska. Przysizinek do studijów porównawczych nad literaturą ludową. — Wisła, 1892, t. VI, seš. 3, стр. 263—278. В новейшее время этому вопросу уделил несколько страниц И. Матль (Josef Matl Europa und die Slaven. Wiesbaden, 1964, стр. 101, 113—114), но дальнейшая его разработка на русском материале крайне желательна.

вместо короля» (Denmarker heten ein hund zû einem künig).¹⁵ Книга Паули выдержала много переизданий и переработок, долгие столетия щедро снабжая материалами последующих писателей; сам же Паули, рассказывая эту свою историю, ссылался на письменный источник («Man lizt wie die in Dennemarck nit kunten eins werden in der erweilung eines Königs...»); это указание ведет нас в средневековые скандинавские страны, где подобный рассказ встречался неоднократно в сагах, хрониках, исторических сочинениях. Саксон Грамматик в своей «Датской истории» (кн. VII, гл. 240) повествует о храбром шведе Гуннаре, ведшем кровопролитную войну с норвежцами, который в наказание непокорным поставил на севере вместо князя специально присланного им для этой цели пса.¹⁶ У Снорре Стурлусона то же рассказывается о норвежце Эйстейне (Eysteinn), который будто бы предложил покоренным им жителям Трондхема выбрать себе во властители либо своего раба, либо своего пса; последние предпочли пса, которого звали Saurг или Sорг, а холм, на котором он сидел, как на престоле, именовался Saurshaugг; ¹⁷ по шведским же версиям (в «Chronicon Erici Regis» или «Annales Lundenses» и др.) пса звали Rakki, а королем, который навязывал его датчанам, являлся Адиль.¹⁸ Все эти версии сопоставил между собой А. Крапп, указавший также на параллели у Плиния, Плутарха, Элиана и в египетских источниках, из чего он вывел заключение о мифологическом, культовом значении этого рассказа,¹⁹ превратившегося позднее в политический анекдот.

В связи с этим стоит отметить неволью возникающий в памяти и все еще недостаточно объясненный мотив одной замечательной «скоморошьей» русской былины. В этой былине о «Вавиле и скоморохах» есть эпизод, как приходят к Вавиле

Веселые люди, не простые,
Не простые люди, скоморохи,

которые направлялись

На инишьшое царство
Персигрывать царя-собаку.

Вавила идет вместе с ними в это царство «царя-собаки» и «переигрывает» его. Тогда

Загорелось инишьшое царство
И сгорело с краю и до краю.
Посадили тут Вавилушка на царство ²⁰

¹⁵ «Schimpf und Ernst» von Johannes Pauli, hrsg. von H. Oesterley, Stuttgart, 1866 (Bibliothek der Literarisch. Vereins, Bd. XXXV), стр. 257. В примечании редактор издания ссылается на сходный рассказ Плиния и книгу: J. H. Ursianus. Aeterna philologica. Francof., 1670, 2, стр. 53.

¹⁶ Saxo Grammaticus. Die ersten neun Bücher der dänischen Geschichte. Übersetzt und erläutert von H. Jantzen. Berlin, 1900, стр. 373—374; P. Hermann. Erläuterungen zu den ersten neun Büchern der dänischen Geschichte des Saxo Grammaticus, T. I. Leipzig, 1901, стр. 318—319.

¹⁷ Скандинавские саги, в которых имеется этот рассказ (Hakons saga goda, cap. 13; Olafs saga helga, cap. 148), перечислены в статье: K. Lehmann. Grabs-hügel und Königshügel in nordischer Heidenzeit. — Zeitschrift für Deutsche Philologie, Bd. XLII, 1910, стр. 8.

¹⁸ А. Н. Кгарре. The Dog King. — Scandinavian Studies, vol. 17, 1942, № 4, стр. 148—153.

¹⁹ Добавим здесь указание на римский обряд коронавания собак на празднествах в честь Дианы, на который ссылается вслед за Дж. Фрейзером В. В. Иванов, см.: В. В. Иванов. Происхождение имени Кухулина. — В кн.: Проблемы сравнительной филологии. Сб. к 70-летию В. М. Жирмунского. М.—Л., 1964, стр. 458.

²⁰ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым, т. I. М., 1904, стр. 376—381; Б. М. Соколов. О житейных и апокрифических мотивах в былинах. — Русский филологический вестник, 1916, № 3, стр. 113—118; Русское народное поэтическое творчество, т. I. М.—Л., 1953, стр. 342—343.

Необычный в русском эпосе персонаж «царя-собаки» был, с моей точки зрения, крайне неудачно истолкован как образ «царя-тирана» Ивана Грозного.²¹ Приведенные выше скандинавские исторические рассказы и обработка их у И. Паули могут служить более оправданной к ним параллелью. При дальнейшем их сопоставлении, может быть, и загадочное «инишьшее царство» получит реальное приуроченье на том скандинавском севере, о котором должны были знать и русские скomorохи; для изучения их репертуара могут пригодиться и те устные рассказы, запись которых оставил нам Юрий Крижанич.

---

²¹ А. А. Зими н. Скоморохи в памятниках публицистики и народного творчества XVI в. — В сб.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XIX вв. М.—Л., 1959, стр. 342. Образ другого былинного цикла «Собаки Калина царя» сюда не относится; в специальной работе Р. О. Якобсона весьма убедительно доказывается, что это прозвание калькирует имя хана Ногай и превращает его в бранное прозвище (см.: O. Jensen. Собака Калин-царь. — Slavia, 1939, гош. XVII, себ. 1—2, стр. 82—98).